

УДК 330.341.4:338.2(470+571)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.124-139>

Как цитировать статью: Осокина Н. В., Слесаренко Е. В. Структурные диспропорции как угроза экономической безопасности России // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 124–139.

Н. В. ОСОКИНА¹,
Е. В. СЛЕСАРЕНКО¹

¹ Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия

СТРУКТУРНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Цель: определение влияния структурных диспропорций на уровень экономической безопасности национальной экономики.

Методы: сравнения, обобщения, наблюдения, системного анализа, группировки данных, теоретического познания, а также метод аналогии и исторический метод.

Результаты: на основе анализа научной экономической литературы и статистических данных выявлены исторические предпосылки возникновения структурных диспропорций в экономике России, истоки которых были заложены задолго до образования СССР и имели тенденцию к закреплению в советский период, а позже и в период трансформационных процессов, охвативших страну на рубеже XX–XXI вв.; определено влияние структурных диспропорций на безопасность российской экономики, которое можно трактовать как угрозу, характеризующуюся полной деиндустриализацией экономики, снижением инновационного развития, деградацией хозяйственной базы и научного потенциала, ростом зависимости по жизненно важным товарам потребительского и производственного назначения и прочим; определена необходимость смены вектора социально-экономического развития России и формирования новой модели структурной модернизации.

Научная новизна: в статье впервые на основе представленных методов исследовано влияние структурных диспропорций на уровень экономической безопасности национальной экономики.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов обеспечения экономической безопасности национальной экономики.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; угроза; структурные диспропорции; экономическая безопасность; структурная модернизация

Введение

Исторические особенности формирования экономической структуры нашей страны обусловили возникновение серьезных диспропорций в современной российской экономике. Речь идет о таких общеизвестных структурных противоречиях, как непомерное развитие сырьевых отраслей, спекулятивной деятельности и торговли на фоне упадка обрабатывающих производств, особенно наукоемких и высокотехнологичных; диспропорции в концентрации финансовых ресурсов, собственности и распределении занятых по отраслям и сферам экономики и др.

В российской научной среде отмеченные диспропорции теперь редко кто оспаривает, признавая при

этом необходимость формирования прогрессивной структуры экономики с опорой на наращивание индустриальной базы [1, с. 17; 2, с. 6; 3, с. 17; 4, с. 7–8]. Важность ускоренного развития обрабатывающих производств, особенно средне- и высокотехнологичных, признается на всех уровнях государственного управления. Однако на практике должных модернизационных процессов осуществить пока не удастся, что заставляет российских ученых вновь возвращаться к далеко не новым, но значимым вопросам и выводам, которые, заметим, еще более актуализируются в условиях обострения международных политических и экономических противоречий. К слову, деформированность структуры российской экономики

была признана в качестве наиболее опасной угрозы экономической безопасности еще в 1996 г.¹ С тех пор прогрессивных изменений так и не произошло, а это не может не означать движения назад, поскольку тридцать лет спустя перед государством и обществом, по существу, стоят все те же вопросы и задачи, что и в 1990-е гг.

Результаты исследования

Административно-командная экономика СССР не создала необходимых условий и предпосылок для интенсивного развития национального хозяйства, хотя структура производства этой экономики, несмотря на существенные диспропорции, все же была прогрессивней, нежели в Российской Федерации, что и подтверждается дальнейшим анализом. Трансформационные процессы конца XX в. также не привели к формированию эффективного механизма интенсивного развития экономики. Они, напротив, спровоцировали затяжной экономический спад, последствия которого наша страна не может преодолеть до сих пор. В этих условиях прогрессивного экономического развития просто не могло быть, поскольку трансформация осуществлялась без учета национальной специфики и особенностей развития, в интересах стран «центра», рассматривавших нашу страну в качестве источника накопления капитала за счет притока дешевого сырья, интеллектуальных и финансовых ресурсов, квалифицированной рабочей силы [5, с. 106]. Вопрос о наследии прошлого и его последствиях для современной российской экономики освещают в своих публикациях и зарубежные ученые. В частности, Дж. Стиглиц отчаянно критиковал российских руководителей за применение рецептов Вашингтонского консенсуса и нежелание пойти собственным путем [6, pp. 163].

В результате необдуманных, односторонних преобразований, продиктованных Западом, Россия окончательно превратилась в поставщика топливно-энергетических ресурсов, обеспечив себе одновременно с этим высокую зависимость от постоянных колебаний цен на мировом рынке сырьевых товаров.

В итоге сложившаяся и имеющая тенденцию к закреплению модель участия России во внешней торговле при любом заметном падении цен на мировом рынке угрожает нашей экономике значительными финансовыми потерями, которые пока никак не компенсируются наращиванием экспорта продукции с высокой долей добавленной стоимости. Такие потери неминуемы еще и ввиду более быстрого роста мировых цен на готовые изделия (которые в товарной структуре российского экспорта составляют менее 20 %), чем на сырьевые товары, что, как следствие, влечет за собой усиление отставания темпов внешнеэкономического обмена России от мировых показателей².

Развитие российской экономики на основе роста добывающего сектора давно исчерпало себя еще и потому, что абсолютно не имеет никаких импульсов к инновационному развитию в силу сохраняющейся высокой рентабельности, а также присущей этой отрасли консервативности процесса производства. Этот тезис подтверждают и статистические данные. Так, доля инновационно активных предприятий добывающей промышленности составляет около 7 %, что заметно ниже не только показателей обрабатывающих производств, но и среднероссийских значений³. При существенном износе основных фондов в этой отрасли (порядка 54 %, несмотря на высокую инвестиционную привлекательность), суровых климатических условиях, заметно увеличивающих издержки добычи полезных ископаемых, не только эффективность, конкурентоспособность, но и дальнейшая жизнеспособность и этой отрасли России может оказаться под угрозой. Именно поэтому наблюдаемый в начале XXI в. рост валового внутреннего продукта (далее – ВВП) получил название «рост без развития», поскольку, как правило, основывался на экстенсивных факторах и носил краткосрочный характер. Так, индекс добычи топливно-энергетических ресурсов за период 2005–2014 гг. находился в пределах 99,1–112,3 %, а индекс производства в обрабатывающей промышленности не превышал и 90,6 % относительно 1991 г.⁴ По отдельным производствам обрабатывающей промышленности ситуация оказывалась еще хуже.

¹ Указ Президента РФ № 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (основных положениях)» от 29.04.1996.

² Россия и страны мира: стат. сб. / Росстат. М., 2014. С. 364.

³ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 379–386.

⁴ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 242–244.

Между тем в советский период темп роста промышленного производства в среднем за 1960–1986 гг. составлял 118–124 %, и наибольший вклад в этот рост вносила именно обрабатывающая промышленность⁵. Таким образом, современные российские значения вышеназванных показателей свидетельствуют о деиндустриализации национальной экономики. С этим выводом соглашаются и многие отечественные ученые. Так, по расчетам А. Г. Аганбегяна, «из ежегодного прироста ВВП в размере 7 % примерно 4 % приходится на влияние роста экспортных цен и дополнительного притока валюты в страну и только 3 % экономического роста за счет внутренних источников и факторов» [7, с. 137], что и является ростом без развития.

В периоды рецессий и экономической нестабильности особенности экономической структуры России еще более обнажали ее уязвимость к действию внешних факторов, свойственную периферийным моделям. Это наглядно продемонстрировал кризис 2008 г. Будучи президентом Российской Федерации, Д. А. Медведев отмечал: «... в докризисных условиях и при высоких ценах на энергоносители российская экономика показывала уверенный рост. Но как только случился кризис, мы обвалились. И обвалились больше, чем многие другие страны. Со времен развала Советского Союза в экономике, по сути, менялись лишь названия компаний, при этом экономика как была, так и осталась ориентированной на экспорт энергоресурсов. Все это время лоббировались лишь интересы крупного бизнеса. Так дальше развиваться нельзя. Это тупик»⁶.

Необходимость изменения структуры экономики обусловлена и тем, что топливно-сырьевая направленность ограничена, с одной стороны, исчерпываемостью минеральных ресурсов, с другой – прогрессирующим загрязнением окружающей среды, о чем стоит сказать отдельно.

Функционирование отечественной экономики в последние десятилетия, связанное с безудержным наращиванием добычи природных ресурсов без учета внутренних потребностей в них и соблюдения экологических норм, не может быть признано устойчивым и безопасным. Оно чревато не только снижением уровня жизни населения, которое неминуемо следует за ухудшением экологической ситуации, но также и увеличением финансового бремени, связанного с покрытием издержек, необходимых для снижения прогрессирующего негативного воздействия на окружающую среду. Другими словами, бездумное наращивание объемов добычи природных ресурсов способно принести лишь сиюминутную выгоду собственникам добывающих предприятий, которые часто даже не являются резидентами Российской Федерации, а для всего остального населения, проживающего в непосредственной близости от таких производств, может обернуться серьезным экологическим ущербом, который вряд ли удастся полностью нейтрализовать.

Более того, углубление структурных диспропорций фактически обусловило деградацию хозяйственной базы и консервацию технико-технологической отсталости в обрабатывающей промышленности [8, с. 18]. Достаточно взглянуть на индексы производства, которые свидетельствуют о многократном снижении темпов роста практически по всем отраслям обрабатывающей промышленности относительно советского периода⁷. Обращает на себя внимание и высокая степень износа основных фондов, которая в среднем к концу 2014 г. составила 50 %, при этом по отдельным обрабатывающим отраслям ситуация выглядит еще хуже⁸.

Не лучше дела обстоят и с показателями инновационного развития российской экономики. Активность российских организаций в этой области в несколько раз ниже аналогичных значений развитых и развивающихся стран мира, несмотря на неуклонную повышательную динамику. Так, разработку и внедрение технологических инноваций осуществляют около 8 % промышленных предприятий в России, тогда как в развитых странах таких предприятий – 80–87 %⁹.

⁵ Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 95.

⁶ Выступление Президента РФ Д. А. Медведева перед лидерами думских фракций «У нынешней российской экономики нет будущего» // Новости, бизнес, финансы. 2009. 10 августа. С. 4–6.

⁷ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 242–244.

⁸ Там же. С. 72.

⁹ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 379–386; Россия и страны мира: стат. сб. / Росстат. М., 2014. С. 333.

Полный и бесконтрольный доступ чиновно-олигархической элиты к национальному достоянию, ставший результатом преобразований конца XX в., и такое же распоряжение доходами от его продажи фактически обусловили изъятие финансовых ресурсов из обрабатывающих секторов национальной экономики, поскольку такие ресурсы, как правило, инвестировались в виды экономической деятельности с наиболее быстрой отдачей или вовсе направлялись за границу, становясь средством личного обогащения.

Надо признать, что капитал функционирует с целью извлечения прибыли, при этом частному инвестору, как правило, безразлично, откуда извлекать прибыль, главным критерием его выбора остается высокодоходность и низкорискованность сделок. В ситуации господства частного капитала в российской экономике и фактического отсутствия развитого обрабатывающего сектора капитал либо остается в добывающей промышленности, учитывая значительную ее прибыльность, либо направляется в сферу торговли и финансовых спекуляций, искусственно наращивая сектор, абсолютно бесполезный для роста общественного производства, но трактуемый как постиндустриальный. Как справедливо замечает С. Дзарасов, «манипуляции с деньгами и другими финансовыми активами превратились в основной род не только предпринимательской деятельности, но и государственной политики, при полном игнорировании структурного и производственно-технического состояния экономики и уровня народного благосостояния» [9, с. 77].

В такой ситуации создание и развитие наукоемких, интеллектуальных производств приходит в противоречие с интересами накопления частных состояний узкого круга олигархической элиты, которая не заинтересована в финансировании фондо-, затратоемких отраслей, с длительным инвестиционным циклом, развитие которых в странах Западной Европы и США обеспечило переход на постиндустриальную ступень развития.

Вместо реального развития постиндустриального сектора в российской экономике имеет место гипертрофированный спекулятивный сектор, который по своей природе всегда являлся менее регулируемым и оттого более криминогенным даже в условиях сильных государственных структур. Дальнейшее усиление его роли в национальной экономике, на наш

взгляд, грозит не только увеличивающимся разрывом в ресурсном обеспечении спекулятивного и реального секторов, но и еще большим распространением теневое сектора. К слову, невиданное до настоящего времени массовое и повсеместное распространение коррупции охватило даже те сферы экономики, которые до этого были наименее подвержены данным процессам (образование, здравоохранение, культура, спорт и т. д.). Ежегодно международное движение по противодействию коррупции Transparency International публикует индекс восприятия коррупции, по итогам расчетов которого на протяжении последних лет Россия стабильно занимает место во второй сотне стран с высоким уровнем коррупции, соседствуя с Ираном, Нигерией, Кыргызстаном, Ливаном и Камеруном¹⁰. А по оценкам отдельных экспертов, коррупция «съедает» почти величину валового внутреннего продукта нашей страны [10, с. 397].

Надо сказать, что за время существования российской экономики значительно изменилось и распределение занятых между секторами и сферами народного хозяйства, что, в свою очередь, повлекло за собой изменение профессиональной структуры выпускников без учета современных потребностей рынка труда России.

Несмотря на увеличение в целом количества специалистов с высшим профессиональным образованием (Россия по численности обучающихся по программам высшего образования, приходящихся на 1 000 человек населения, уступает только Республике Корея и США), потребности производственных секторов в кадрах высшей квалификации, в частности обрабатывающей промышленности, пока никак не обеспечиваются. Так, средний возраст научно-производственных кадров на большинстве предприятий обрабатывающей промышленности – порядка 50–60 лет, при этом доля таких специалистов в выпуске в среднем по России составляет около 15 %, заметно уступая ряду развитых и развивающихся стран мира [11, с. 53].

В то же время по масштабам подготовки специалистов в таких областях знаний, как сфера услуг, бизнес

¹⁰ Индекс восприятия коррупции 2014 // Трансперенси Интернешнл России. URL: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriiatiia-korruptcii/indeks-vospriiatiia-korruptcii-2014-otcenka-rossii-upala-na-odin-ball> (дата обращения: 10.12.2015).

и право, Россия уверенно опережает ряд ведущих стран мира – 59,4 % выпуска против 24,6 % в Швеции, 29,3 % – в Германии, 34,8 % – в Великобритании, 45,3 % – во Франции и 45,5 % – в США. Социально значимые специальности, а также компьютерные науки, продуцирующие современные технологии, меньше всего пользуются спросом среди российской молодежи. Если, например, в Великобритании, Германии, Италии на них приходится порядка 17–19 % выпуска, а в Швеции – 28,7 %, то в нашей стране всего 7,9 % [11, с. 53].

Более того, качество отечественного образования в полной мере не отвечает его миссии. Так, всего лишь несколько российских вузов представлены в признанных международным образовательным сообществом рейтингах, а социологические опросы свидетельствуют о неудовлетворенности российских работодателей (руководителей промышленных предприятий) качеством знаний выпускников. Такое положение дел в российской образовательной сфере неминуемо обернется острой нехваткой высококвалифицированного персонала для потребностей производства с одновременным ухудшением качественного состава научно-производственных кадров. Наряду со значительной эмиграцией из России высококвалифицированных кадров и рабочей силы эти процессы могут нанести серьезный урон экономической независимости страны, лишая экономику национального интеллектуального кадрового потенциала.

Углубление структурных диспропорций отрицательно сказалось и на продовольственной безопасности нашей страны, которой угрожают сложившаяся специализация регионов России, более 40 из которых являются индустриальными, неблагоприятная экологическая обстановка, ограниченность природных ресурсов, необходимых для ведения сельского хозяйства, а также отсутствие должной государственной поддержки. Объем государственной поддержки отечественным сельскохозяйственным производителям в настоящее время составляет 10 % от полученного результата. Для сравнения: в странах Европейского союза это значение находится на уровне 23 %, а в Японии – 60 %¹¹. Наряду с низкой рентабельно-

стью и невысокими заработными платами это заметно отягощает условия развития агропромышленного комплекса в нашей стране, увеличивая издержки и без того затратоемкого производства.

Следует подчеркнуть, что одним из важнейших элементов экономической безопасности любого государства является ее продовольственная составляющая, показывающая способность национальной экономики удовлетворять первичные потребности населения в продовольствии отечественного производства соответствующего качества. В конечном счете степень обеспеченности продуктами питания и их качество во многом определяют уровень жизни населения. Недаром еще А. Брийе-Саварен отмечал, что «судьбы наций зависят от того, как они питаются» [12, с. 50].

На правительственном уровне также подчеркиваются важность и необходимость развития агропромышленного комплекса страны. С этой целью президентом Д. А. Медведевым был подписан указ «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». В данном документе, кроме всего прочего, установлены пороговые значения удельного веса отечественной сельскохозяйственной продукции в общем объеме товарных ресурсов¹².

Однако в настоящее время приходится констатировать снижение производства некоторых продовольственных товаров в нашей стране, что не позволяет соответствовать заявленным в доктрине целям. Так, произошло сокращение производства зерна и картофеля в среднем на 30 % относительно 1992 г.; молока – на 35 %; яиц – на 5 %¹³. Общий объем мяса и мясопродуктов, произведенных отечественными агропроизводителями, в общем объеме товарных ресурсов хотя и увеличивался начиная с 2005 г., однако ни в одном году не достигал критического значения (85 %), установленного в доктрине. В настоящее время в среднем этот показатель находится на уровне 75 %¹⁴. Аналогичная ситуация наблюдается по производству молока и молокопродуктов. Удельный вес отечествен-

¹¹ IDK.Эксперт // Электронный журнал. URL: <http://exp.idk.ru> (дата обращения: 15.01.2016).

¹² Указ Президента Российской Федерации № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» от 30.01.2010.

¹³ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 287–292.

¹⁴ Там же. С. 292.

ного производства их в общем объеме товарных ресурсов в среднем составляет 73 %, неуклонно снижаясь с 2000 г., при критическом значении в 90 %¹⁵.

На фоне уменьшающихся объемов производства отечественного продовольствия происходит закономерное увеличение его импорта. Так, за последние 15 лет импорт продовольственных товаров в абсолютном выражении увеличился в 5,4 раза, хотя и произошло некоторое его снижение в общей структуре импорта. В среднем Россия завозит продовольствия на сумму около 30 млрд долл. «Если бы эти деньги направить на развитие сельского хозяйства нашей страны, то оно "задышало" бы по-другому»¹⁶, – утверждает вице-президент Российской академии сельскохозяйственных наук И. Ушачев, и с этим нельзя не согласиться. В качестве отдельных примеров увеличения импорта продовольственных товаров первой необходимости можно привести мясо, рыбу, молоко и молочные продукты. Так, по сравнению с 2000 г. импорт мяса (без мяса птицы) в нашу страну увеличился в 1,9 раза; рыбы – в 2 раза; масла сливочного – в 2,1 раза; молока и молокопродуктов – в 1,9 раза¹⁷. В целом отметим, что доля импорта во внутреннем потреблении мяса и мясопродуктов за весь постсоветский период выросла с 13,1 до 21,2 %; молока и молокопродуктов – с 6,1 до 22,6 % с небольшим снижением к концу 2014 г.¹⁸ Несмотря на некоторое снижение в последние годы, в целом импорт продуктов питания в нашу страну остается по-прежнему очень высоким, что ставит под угрозу продовольственную независимость национальной экономики.

Ситуация усугубляется еще и низким качеством продуктов, поступивших по импорту, которые зачастую не соответствуют ни стандартам качества, ни экологическим нормам, а это создает уже прямую угрозу жизни и здоровью российского населения.

Следует признать, что импортные продукты питания по многим товарным позициям оказывались хуже отечественных. К числу таких товаров эксперты относят рыбу и рыбную продукцию, крупы, кондитерские изделия, животные масла, маргариновую и майонез-

ную продукцию. Отдельно следует отметить превышение доли импортных товаров с ненадлежащим качеством над отечественными по таким жизненно важным для населения продуктам питания, как молочная продукция, сыры, мясо (особенно мясо птицы)¹⁹.

Угроза, связанная с потреблением импортной продукции, многократно увеличивается еще и в силу всеобщей химизации сельского хозяйства, характерной в большей степени для развитых и некоторых развивающихся стран мира, на долю которых и приходится большая часть поступившего в нашу страну продовольствия. Для улучшения урожайности, снижения потерь вследствие неблагоприятных климатических условий и ущерба от вредителей развитые и многие развивающиеся страны мира нередко прибегают к использованию большого количества удобрений, в состав которых входят вещества, отравляющие человеческий организм. Нередким явлением в наше время стало и применение различных добавок, улучшающих внешний вид, вкусовые качества продуктов и позволяющих увеличить их срок хранения. Вместе с тем специалисты Всемирной организации здравоохранения признают многие такие добавки небезопасными для человека. Их накопление в организме способно привести к возникновению серьезных заболеваний, не говоря уже о многочисленных аллергических реакциях.

Для повышения уровня экономической безопасности российской экономики в рамках ее структурной модернизации, на наш взгляд, особое место следует отвести модернизации агропромышленного комплекса, в силу особой его значимости. Недаром мировой опыт свидетельствует, что высоких темпов роста и развития национальной экономики сумели достичь те государства, которые на начальных этапах модернизации наряду с наращиванием промышленного потенциала обеспечивали себе и формирование сельскохозяйственного базиса. Отметим также, что в развивающихся странах мира, несмотря на относительное увеличение доли наукоемких и высокотехнологичных производств, вклад сельского хозяйства (включая охоту и лесное хозяйство) в ВВП по-прежнему остается на достаточно высоком уровне. Так, в Китае этот показатель составляет 10 %, в Ин-

¹⁵ Там же. С. 292.

¹⁶ ИДК.Эксперт // Электронный журнал. URL: <http://exp.idk.ru> (дата обращения: 15.01.2016).

¹⁷ Там же. С. 292, 535.

¹⁸ Там же. С. 292.

¹⁹ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 355.

дии – 17,6 %, в Бразилии – 5,6 %²⁰. Напомним, что в России представленный показатель на протяжении всего постсоветского периода не превышал и 5 %, имея при этом понижающую динамику к 2014 г.²¹

Однако самый разрушительный эффект структурные диспропорции российской экономики оказали на машиностроение. Машиностроительный комплекс, выступающий системообразующим элементом любого промышленно развитого государства и поддерживающий устойчивое функционирование всех отраслей промышленности, в России практически развалился [8, с. 18].

Вследствие этого российская экономика выпала из мирового технологического контекста, обязывающего хозяйствующие субъекты (если они хотят быть конкурентоспособными) следить за производством и внедрять передовые технологии, снижать в перспективе материальные и энергетические затраты и использовать в своей деятельности современные информационные системы. В силу этого обстоятельства Россия в настоящее время лишена возможности играть заметную роль на мировом рынке высокотехнологичной продукции и вынуждена зависеть от стран, по мнению М. Делягина, определяющих, полностью контролирующих и самостоятельно формирующих рынки и направления реализации своего продукта [13]. Такая ситуация неизбежно привела не только к потере внешних, но и отдаче внутренних рынков зарубежным ТНК, не стремящимся, как правило, к полной передаче технологий, а всего лишь осуществляющим продажу права на их использование или ограниченное тиражирование.

Рассмотрим конкретные примеры последствий структурных диспропорций для машиностроительной отрасли. Так, производство металлорежущих станков сократилось по сравнению с концом советского периода не менее чем на 90 %, при износе оборудования в 70 %. Если в конце 1990-х гг. Россия была в тройке мировых лидеров по производству станкостроительной продукции, то в настоящее время не входит даже в двадцатку крупнейших²². Современный вклад этой отрасли в ВВП составляет не более 0,023 %, тогда как,

например, в Германии – 0,71 %, в Японии – 0,73 %, а в Китае – 0,78 % [14, с. 126].

Одновременно с этим ввоз такой продукции, который преимущественно осуществляется из «новых индустриальных стран» Азии, за аналогичный период возрос в 13 раз [14, с. 126]. В настоящее время импорт электронного оборудования и приборов более чем в 3 раза превышает собственное производство. Отметим, что к 2014 г. выпуск электрооборудования, электронного и оптического оборудования в целом увеличился на 30,8 % относительно конца советского периода, однако такое увеличение едва ли можно назвать развитием в сравнении с темпами роста в развивающихся странах мира.

Углубление структурных диспропорций в российской экономике оказывает серьезное сдерживающее влияние и на развитие судостроительной и авиационной промышленности гражданского назначения. Отсутствие должного внимания и поддержки на государственном уровне; разобщенность процесса производства, обслуживания и ремонта; отставание научно-технического и технологического заделов от реального производства; недостаток научных и технических кадров фактически обусловили деградацию собственного производства в этих отраслях обрабатывающей промышленности, что в конечном счете привело к увеличению импорта. На тех немногих предприятиях, которые продолжают заниматься производством судостроительной и авиационной техники, сформировалась нацеленность на использование преимущественно импортных компонентов сборки. Ситуация усложняется еще и ввиду особенностей развития обозначенных отраслей, которые сопряжены с высокой затратностью, наукоемкостью, длительностью производственного цикла и, соответственно, периода инвестиционной окупаемости, что мало соотносится с личными интересами частных инвесторов и собственников, нацеленных на быстрое извлечение прибыли.

Очень емко оценил ситуацию, которая происходит в настоящее время в авиационной промышленности нашей страны, В. Леонов, отметив, что «мы переживаем то, что пережили после Второй мировой Германия и Япония – отказ от собственной авиационной промышленности. Но там был запрет победителей, а мы разрушаем все своими собственными руками» [15, с. 4].

По заключению В. А. Осипова, И. С. Астафуровой и Л. Н. Жилиной, отечественная судостроительная

²⁰ Россия и страны мира: стат. сб. / Росстат. М., 2014. С. 88.

²¹ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 185.

²² Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 414–415.

промышленность также находится в состоянии структурного кризиса [16, с. 15–20]. Россия почти не выпускает больших и средних рыбопромысловых судов, а малые производятся в ограниченном количестве. Спуск судов гражданского назначения в среднем за год еле достигает десятка, при этом импорт без преувеличения в 100 раз превышает собственное производство, что отягощает конечную цену дополнительными таможенными пошлинами, а также увеличивает расходы по дальнейшему обслуживанию и ремонту.

В настоящее время материально-техническая база в авиационной и судостроительной промышленности во всех отношениях является растущим фактором в решении возникающих политических и экономических противоречий. Задачи модернизации судостроительной промышленности для России актуализируются еще и в силу усиления конкуренции и влияния со стороны «новых индустриальных стран» Азии (в частности, Китая), которые уже сейчас способны производить судостроительную технику, превосходящую по многим параметрам российские и западные аналоги. На сегодняшний день это обстоятельство признают ученые всего мира [16, с. 18–20; 17, pp. 331].

В этой связи стратегически важным направлением структурной модернизации в целях закрепления интересов нашей страны в международном сотрудничестве, обеспечения не только экономической, но и национальной безопасности в целом должно стать воссоздание судостроительной и авиационной промышленности гражданского назначения.

Автомобилестроительная промышленность, которая и без того никогда не занимала лидирующие позиции в отечественном промышленном производстве, в настоящих условиях также переживает не самые лучшие времена. Автопром в российской экономике до сих пор остается самым убыточным видом деятельности, насчитывая до 60 % убыточных организаций в 2009 г. и около 44 % в 2014 г.²³

Несмотря на увеличение в среднем на 30 % относительно 1992 г. количества выпущенных автомобилей отечественного производства, и в частности на 78 % легковых машин, эти показатели заметно отстают от аналогичного производства во многих других развивающихся странах мира. Так, производ-

ство легковых автомобилей в Индии за 1990–2012 гг. увеличилось в 12 раз, в Китае – в 248 раз, в Таиланде – в 3,8 раза, в Республике Корея – в 4,4 раза, в Бразилии – в 10,6 раза²⁴.

Качество и безопасность также не являются фактором повышения конкурентоспособности отечественного автомобилестроения. В настоящее время основная часть российских потребителей отдает предпочтение иностранным автомобилям известных производителей ввиду более качественных технических характеристик. Те, кто все же останавливаются свой выбор на покупке отечественного автомобиля, руководствуются скорее отсутствием необходимых финансовых возможностей, чем доверием к качеству. Другими словами, современное положение дел в автомобильной промышленности окончательно развеяло веру в то, что приобретение отечественного авто для российских граждан будет когда-нибудь столь же солидно, как покупка дорогих иностранных машин известных марок.

В настоящее время в России существует всего шесть крупнейших предприятий автомобильной промышленности (АвтоВАЗ, КАМАЗ, ГАЗ, «Соллерс», ЗИЛ, БАС). Однако оставшиеся концерны по выпуску транспортных средств в России сложно в полной мере назвать отечественным производством, поскольку детали, комплектующие изделия, компоненты сборки и сама технология сборки, по сути, являются импортными. Более того, за период с 2000 по 2010 гг. на территории Российской Федерации было построено несколько десятков автозаводов, представляющих иностранные бренды. А самой значимой статьей в товарной номенклатуре импорта России на протяжении всего постсоветского периода по-прежнему остаются машинотехнические изделия, на долю которых приходится около 50 %.

Учитывая, что российский авторынок демонстрирует рост, развитие автомобильной промышленности в России и удовлетворение потребностей на внутреннем рынке отечественными автотранспортными средствами при условии повышения их качества и надежности является, на наш взгляд, перспективным направлением структурной модернизации.

²³ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 427–430.

²⁴ Россия и страны мира: стат. сб. / Росстат. М., 2014. С. 199–200.

Как следует из вышесказанного, результатом углубления имеющихся в российской экономике структурных диспропорций стало снижение независимости, конкурентоспособности, самообеспеченности национальной экономики, что в целом определяло ее безопасность. Снижение уровня экономической безопасности российской экономики отбросило страну на «обочину» и по качеству жизни населения.

Во-первых, диспропорции в отраслевой структуре российской экономики породили существенную дифференциацию в доходах населения. Так, максимальная начисленная заработная плата наблюдается в добывающих отраслях и в сфере финансовой деятельности. Значения начисленной оплаты труда в представленных отраслях в 1,8 и 2,1 раза соответственно превосходят средние значения в целом по экономике. Между тем в добывающих отраслях и финансовой деятельности совместно трудится не более 3 % занятого населения страны. Это ниже, чем в сельском хозяйстве, в 3,2 раза, в 5 раз ниже, чем в обрабатывающих производствах, в 2,8 раза, чем в образовании, и в 2 раза, чем в здравоохранении. Однако заработные платы в сельском хозяйстве, отраслях обрабатывающей промышленности, образовании, здравоохранении недотягивают даже до средних значений в целом по экономике. Например, в сельском хозяйстве заработная плата в 1,9 раза меньше, чем в среднем по экономике, и в 3,4 раза меньше, чем в добывающих отраслях. В обрабатывающих отраслях, здравоохранении и образовании значения оплаты труда в целом ниже, чем в среднем по экономике, на 10 % и в 2 раза, чем в добывающих отраслях²⁵. При этом максимальные значения заработной платы в обрабатывающей промышленности зафиксированы в отраслях, обслуживающих экспортный сектор. Так, заработная плата в сфере производства кокса и нефтепродуктов в 2014 г. достигла максимальной величины в целом по экономике и составила 75 663 руб.²⁶, что в 2,3 раза меньше, чем в наиболее перспективных и актуальных в современном мире видах экономической деятельности. В частности, средняя заработная плата в машиностроительной отрасли России по итогам 2014 г. составила чуть более 30 тыс. руб.²⁷

Значимость и приоритетность развития отраслей для конкретного государства, на наш взгляд, должны определяться в том числе по величине оплаты труда. Могут ли быть престижны и востребованы отрасли промышленного производства, необходимые для инновационного развития, если заработная плата в них едва достигает средних значений по стране? Ведь в других случаях можно зарабатывать гораздо больше при меньших физических и интеллектуальных усилиях.

Среди прочих выявленных угроз следует выделить и абсолютную угрозу бедности, усиливающуюся на фоне увеличения структурного перекоса в российской экономике. Средний уровень доходов (от 19 000 до 45 000 руб.), по итогам 2014 г., можно наблюдать только у 38,5 % российского населения, и только 15,6 % имеют высокий уровень. Оставшуюся часть можно смело отнести к находящимся на пороге и за чертой бедности (а это порядка 46 %)²⁸. Официальный показатель бедности, измеряющий долю населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, хотя и снизился с 29,0 % в 2000 г. до 11,2 % в 2014 г.²⁹, однако все еще превышает установленное в 1996 г. экспертами Совета безопасности пороговое значение в размере не более 10 %³⁰.

Реальные показатели бедности в нашей стране еще более драматичны, поскольку не стоит забывать о понятии относительной бедности, характеризующей соотношение уровня благосостояния члена одного общества с уровнем благосостояния члена другого общества. На этот счет С. Ю. Буланов заметил, что «доходы 60 % населения России остаются ниже, чем у 10 % беднейшего населения США» [18, с. 3].

Для полноты картины следует сказать и о критически высокой смертности населения России, несмотря на некоторые позитивные тенденции, наблюдаемые в последние годы. В частности, опасаться следует того, что высокая смертность в нашей стране наблюдается среди трудоспособного населения, прежде всего мужчин, ввиду концентрации на территории России вредных и опасных производств, особенно в монопрофиль-

²⁵ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 129–132.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 134–135.

²⁹ Там же. С. 122–123, 136.

³⁰ Указ Президента РФ № 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (основных положениях)» от 29.04.1996.

ных регионах и городах, где больше занято мужское население, в связи с их участием в боевых действиях и несением службы в правоохранительных органах, нередко сопряженными со смертельной опасностью.

Среди названных факторов высокой смертности стоит выделить те, которые непосредственно обусловлены структурными диспропорциями, как, например, ухудшение экологической обстановки; снижение качества трудовой жизни; низкий уровень жизни большей части российского населения; ухудшение качества услуг в системе социального обеспечения, в том числе снижение качества услуг, предоставляемых на бесплатной основе. Последний фактор следует связывать с недостаточностью государственного финансирования социальной сферы российской экономики, параметры которого можно оценить на основе такого показателя, как доля социальных расходов бюджета в ВВП. Отметим, что в развитых странах мира значение данного показателя сохраняется на уровне не менее 20 %, в развивающихся странах – около 18 %³¹. В Российской Федерации это значение едва превышает отметку в 6 %, при этом в последние годы наметилась стойкая понижающая тенденция. Если в 2012 г. значение показателя находилось на уровне 8,5 %, то в 2013 г. составляло уже 7,9 %, а к 2014 г. снизилось до 6,8 %³².

Учитывая значительные колебания цен на энергоносители на мировых рынках, нестабильность военной, политической и экономической ситуации в мире, которая неизбежно влечет за собой и увеличение расходов на национальную оборону и безопасность, а также рост расходов на обслуживание государственного долга, увеличения финансирования социальной сферы в перспективе вряд ли следует ожидать. Это значит лишь одно: без должного участия государства угрозы экономической безопасности в социальной сфере российской экономики будут только нарастать.

Уже сейчас Российская Федерация по показателю продолжительности жизни занимает «скромное» 113-е место в мире, пропуская вперед не только наиболее развитые и развивающиеся страны мира, но и многие менее развитые государства Африки и Азии³³.

Выводы

Подводя итог, хотелось бы отметить следующее. Структурные диспропорции, зародившиеся еще в Советском Союзе, закрепились в период трансформационного кризиса и углубились в настоящее время, что обусловило деиндустриализацию современной российской экономики, проявляющуюся в деградации ее хозяйственной базы, научного потенциала и консервации технико-технологической отсталости от передовых стран. Их следствием выступает чрезмерное имущественное и финансовое расслоение общества и рост бедности наряду с ухудшением качества трудовой жизни наемных работников, а также формирование таких жизненных стандартов, как культ потребительства и жажда легкой наживы, что крайне негативно сказывается на трудовом и предпринимательском поведении.

Сложившаяся в российской экономике ситуация требует незамедлительного воссоздания индустриального базиса с опорой на развитие высокотехнологичных производств в целях обеспечения ее безопасности. Надо сказать, что важность материально-технического обновления отраслей обрабатывающей промышленности осознается и на государственном уровне. Так, с целью развития отечественного научно-технического потенциала и повышения значимости и конкурентоспособности российской техники был разработан ряд важных государственных документов, в числе которых «Стратегия развития судостроительной промышленности на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»³⁴, Федеральная целевая программа «Развитие гражданской морской техники на период 2009–2016 годы»³⁵, государственная программа Российской Федерации «Развитие авиационной промышленности на 2013–2025 годы»³⁶ и др. Однако из порядка 40 государственных программ, принятых в последние годы, реальному развитию индустриального базиса посвящено не более 9, что вряд ли способно кардинально изменить структуру российской экономики (в чем она неизбежно нуж-

³¹ Россия и страны мира: стат. сб. / Росстат. М., 2014. С. 304–305.

³² Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 396.

³³ О странах: географический справочник. URL: http://ostranah.ru/_lists/life_expectancy.php (дата обращения: 03.02.2016).

³⁴ URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/92194/> (дата обращения: 30.01.2016).

³⁵ URL: <http://rg.ru/2008/03/17/mortex-site-dok.html> (дата обращения: 30.01.2016).

³⁶ URL: <http://rg.ru/2014/04/24/aviaciya-site-dok.html> (дата обращения: 30.01.2016).

дается). Необходима принципиальная смена вектора социально-экономического развития страны, формирование новой модели структурной модернизации.

О смене модели развития, господствующей до сих пор в российской экономике, говорят и видные современные отечественные ученые. Так, С. Дзарасов отмечает, что «требуется не латание дыр, а формирование новой модели социально-экономического развития, которая служила бы не интересам обогащения одних за счет лишения прав и собственности других, а открыла всем гражданам равный доступ к материальным и духовным благам общества» [9, с. 82].

Для формирования новой модели структурной модернизации в российской экономике авторы считают необходимым качественное изменение роли государства в национальном хозяйстве.

Так, мировой опыт свидетельствует, что структурная модернизация стала возможной благодаря расширению функций и полномочий государства в экономике, его возможности выступать фундаментом для определения основных направлений преобразований. Достаточно вспомнить опыт стран «азиатского экономического чуда», где действующая система индикативного планирования, сочетающая в себе преимущества централизованного и децентрализованного управления, обеспечила высокие темпы роста национальной экономики. А развитие высоких технологий, приведшее к быстрой смене технологических укладов, стало возможным лишь в тех странах, где именно государство инициировало необходимые предпосылки к этому.

Более того, в условиях глобализации экономического пространства, особенность которой связана с функционированием центрально-периферийной формы отношений, идеи о рыночной саморегуляции и самостоятельном возврате экономики в равновесное состояние кажутся авторам малоперспективными. Поскольку во времена сильнейшей технологической дифференциации стран мира, усиления конкуренции со стороны наиболее развитых государств, ограниченности доступа к мировым экономическим ресурсам снижение участия государства в экономике периферийных стран приводит лишь к еще большей консервации отсталости, снижению конкурентоспособности и дальнейшему ослаблению позиций в международных вопросах. К слову, эта проблема активно обсуждается не только в среде российских ученых, ей посвяще-

но огромное количество и зарубежных трудов [19, pp. 577–595; 20, pp. 160–172; 21, pp. 224–226].

Таким образом, подход к преобразованию структуры экономики, предполагающий, с одной стороны, характерное увеличение роли государства, видение его в качестве регулирующей, стабилизационной силы при рецессиях и экономических спадах, с другой – ни в коем случае не отрицающий рыночных механизмов, видится авторам наиболее приемлемым на современном этапе в рамках структурной модернизации российской экономики [22, с. 54–55].

В частности, основными мерами государственной политики должны стать многократное увеличение расходов на научные исследования и разработки; увеличение государственных инвестиций в основной капитал организаций реального сектора экономики, занятых научно-исследовательскими работами. К слову, практика развитых и развивающихся стран мира показывает, что государства, осуществляющие структурную перестройку и модернизацию экономики, в течение длительного периода поддерживали высокий уровень инвестиций. Так, норма накопления в Европе вплоть до 1970-х гг. сохранялась на уровне 25 %, в Японии в этот же период составляла 30 %, в период индустриализации в СССР – 40 % [23, с. 35]. Отношение объема инвестиций в процентах к ВВП в период активной структурной перестройки в Китае достигало порядка 47 %, а государственные затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки до сих пор продолжают играть существенную роль в развитии национальной промышленности³⁷. В России значение представленного показателя за весь постсоветский период не превышало и 19 % ВВП³⁸.

При этом стоит отметить, что увеличение финансовой помощи государства должно происходить при одновременном смещении инвестиционных акцентов в пользу развития обрабатывающих производств. К слову, в период масштабной структурной модернизации наибольший удельный вес инвестиций, поступивших на обновление основного капитала, в «новых индустриальных странах» Азии приходился именно на обрабатывающие производства (порядка 35 %) [24, с. 49].

³⁷ Россия и страны мира. 2014: стат. сб. / Росстат. М., 2014. С. 324.

³⁸ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М.: 2015. С. 453.

Необходимость усиления государственного участия в вопросах перераспределения финансовых ресурсов между отраслями и сферами национальной экономики связана с тем, что на начальных этапах не все отрасли народного хозяйства могут быть эффективными, особенно если создание таких предприятий сопряжено с существенными затратами. Именно поэтому в условиях свободного распределения ресурсов, отвечающих рыночным принципам хозяйствования, когда ресурсы направляются на удовлетворение повышенного спроса тех отраслей, которые обеспечивают максимальную и быструю отдачу собственникам капитала, финансирование фондо-, затратно- и трудоемких отраслей обрабатывающей промышленности немыслимо без государственного участия.

Однако в условиях острой нехватки национальных инвестиционных ресурсов осуществить структурные преобразования исключительно за счет собственного инвестиционного потенциала не представляется возможным, требуется активизация усилий по привлечению зарубежных инвестиций. Опыт развивающихся стран Азии свидетельствует, что именно влияние зарубежного капитала способствовало быстрой их индустриализации и повышению конкурентоспособности национальной экономики. В частности, с этой целью в Китае были созданы специальные экономические зоны, через которые в страну поступило около 60 % всех иностранных инвестиций.

На сегодняшний день проблема привлечения иностранного капитала в российскую экономику наряду с ограничением его оттока стоит очень остро. В частности, чистый вывоз капитала преобладал над его ввозом на протяжении всего постсоветского периода, а с 2008 г. Россия без преувеличения вступила в фазу массового «бегства» капитала из страны. Так, вывоз частного капитала из России только в 2008 г. достиг 133 млрд долларов, по итогам 2012 г. сумма составила 54 млрд долларов, тогда как в 2013 г. фиксировалась уже на уровне 64 млрд долларов [25, с. 6]. В первом полугодии 2014 г. чистый вывоз капитала из РФ достиг 80 млрд долларов, что значительно выше, чем за аналогичный период 2013 г. [25, с. 6].

С привлечением иностранных инвесторов дела в России обстоят не лучше. Несмотря на острую нехватку зарубежного капитала, приток иностранных инвестиций в российскую экономику остается на низком уровне, а периодами наблюдается его критическое

снижение, и это учитывая, что на государственном уровне официально взят курс на привлечение иностранного капитала. Так, максимальное значение прямых иностранных инвестиций можно было наблюдать в 2008 г. (около 27 млн долларов), однако уже начиная с 2009 г. происходило их ощутимое снижение, которое удалось все же преодолеть к 2013 г.³⁹ Несмотря на рост прямых иностранных инвестиций к 2013 г., докризисных значений так и не удалось достичь. В этой связи создание эффективной системы привлечения зарубежного капитала по опыту Китая с поправкой на национальную специфику, а также противодействие его оттоку из страны является важным обстоятельством на пути преобразования производительных сил российской промышленности.

Вместе с тем преобразование производительных сил, изменение их качественного состава, отвечающего передовым производственным технологиям, невозможно без преобразования производственных отношений, которое, прежде всего, проявляется в нахождении оптимального соотношения государственной и частной форм собственности. В период масштабной приватизации, начавшейся в 1990-х гг. и продолжающейся до сих пор, в России была существенно снижена доля государственной собственности. Однако столь форсированная и чрезмерная приватизация не сумела достичь заявленных целей, выражавшихся, прежде всего, в наполнении бюджета необходимыми финансовыми ресурсами, формировании эффективного частного собственника и повышении конкурентоспособности российской продукции.

Современные российские значения соотношения государственной и частной собственности сопоставимы со значениями ряда развитых стран мира. К слову, доля государственной собственности в российской экономике составляет около 7 %, в США и Германии около 10 %, несколько выше значения во Франции, Великобритании и Японии [24, с. 49]. Однако не стоит забывать, что начавшаяся в конце 1980-х гг. на Западе приватизация, в отличие от российской, сумела достичь позитивных результатов, не вымывая финансовые ресурсы из государственного сектора и не нанося ущерб национальной безопасности. В полной мере заявленные задачи в развитых странах мира были

³⁹ Финансы России: стат. сб. / Росстат. М., 2014. С. 294.

решены посредством постепенного, планомерного характера приватизации, где в стратегически важных отраслях промышленности преобладала государственная форма собственности вплоть до конца 1990-х гг.

Более того, на заре становления такой высокотехнологической отрасли, как телекоммуникации в Европе, более чем 75 % предприятий принадлежали государству, именно государство и обеспечивало появление и развитие высоких технологий [12, с. 394]. Многие компании из перечисленных секторов экономики в Европе до сих пор находятся под государственным контролем, поскольку причислены к жизнеобеспечивающим. А совокупная доля госсектора в Швеции и в настоящее время остается достаточной высокой – около 60 %.

Также отметим, что важным обстоятельством, обеспечившим успешную структурную модернизацию экономики в Китае, на наш взгляд, явилась высокая доля государственной собственности. Так, например, в настоящее время казенными там являются порядка 85 % предприятий, производящих и поставляющих электроэнергию, тепло, и около 70 % предприятий, осуществляющих добычу нефти и газа [24, с. 49]. В целом же в государственной собственности в Китае находится порядка 49 % всех предприятий, которые производят около 47 % валовой продукции⁴⁰.

Учитывая опыт развитых и развивающихся стран мира, а также последствия отечественной приватизации, считаем, что российская экономика, напротив, нуждается в увеличении государственной собственности с последующим постепенным и осторожным переходом к частно-государственному партнерству с учетом приоритетности развития отраслей, предпринимательской зрелости населения, оценки возможности повышения эффективности деятельности конкретных предприятий и их функционирования в рамках единой государственной политики.

Список литературы

1. Губанов С. С. Системный выбор России и уровень жизни // *Экономист*. 2011. № 11. С. 3–55.
2. Сухарев О. С. Реиндустриализация России: возможности и ограничения // *Экономист*. 2013. № 3. С. 6–12.
3. Логачев В., Кочергин Д. Целевое содержание предстоящей индустриализации: «пост» или «нео»? // *Экономист*. 2013. № 11. С. 11–19.

⁴⁰ Там же. С. 49.

4. Принуждение к инновациям: стратегия для России: сборник статей и материалов / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009. 288 с.

5. Многоуровневый анализ формирования инновационной экономики: мир-система, регион, предприятие / под ред. В. А. Логачева, Е. Е. Жернова; Мин-во образ. и науки РФ; Кузбасский гос. техн. ун-т имени Т. Ф. Горбачева; каф. экономики. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2014. 331 с.

6. Stiglitz J. E. *Globalization and its Discontents*. NY: W.W. Norton & Company, 2002. 282 pp.

7. Аганбегян А. Г. Инвестиции в стратегии социально-экономического развития // *Проблемы модернизации экономики и экономической политики России. Экономическая доктрина Российской Федерации: мат-лы Российского научного экономического собрания (Москва, 19–20 октября 2007 г.)*. М.: Научный эксперт, 2008. С. 124–146.

8. Осокина Н. В., Слесаренко Е. В. Проблема эффективного взаимодействия государственного и частного секторов в национальной экономике // *Экономический анализ: теория и практика*. 2015. № 26. С. 13–23.

9. Дзарасов С. Российский кризис: истоки и уроки // *Вопросы экономики*. 2009. № 5. С. 69–85.

10. Сухарев О. С. *Экономика технологического развития*. М.: Финансы и статистика, 2008. 481 с.

11. *Российский инновационный индекс* / под ред. Л. М. Гохберга. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2011. 84 с.

12. Гордеев А., Черняков Б. Некоторые аспекты продовольственной проблемы мира // *Вопросы экономики*. 2001. № 6. С. 50–59.

13. Делягин М. Место России в условиях глобализации // *Наш современник*. 2001. № 7. URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2001&n=7&id=4> (дата обращения: 19.11.2015).

14. Грибков А., Захарченко Д., Корниенко А. Конкурентоспособность станкостроения России // *Вопросы экономики*. 2013. № 3. С. 126–137.

15. Леонов В. *Авиация в инновационном смерче* // *Аргументы недели*. 2011. № 4. 3 февраля.

16. Осипов В. А., Астафурова И. С., Жилина Л. Н. *Проблемы развития судостроительно-судоремонтного комплекса Дальнего Востока России*. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014. 219 с.

17. Slobodian Q. How to see the world economy: statistics, maps, and Schumpeter's camera in the first age of globalization // *Journal of Global History*. 2015. No. 10. Pp. 307–332.

18. Буланов С. Ю. *Социально-экономические угрозы экономической безопасности России в условиях транзитивной экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук*. М., 2007. 27 с.

19. Teney C., Laceywell O. P., de Wilde P. *Winners and losers of globalization in Europe: attitudes and ideologies* // *European Political Science Review*. 2014. No. 4. Pp. 575–595.

20. Sanjay G. Reddy. *The Dilemmas of Globalization* // *Ethics and international affairs*. 2001. No. 15. Pp. 159–172.

21. Yamashita N. A materialist approach to early modern globality // *International Journal of Asian Studies*. 2010. Vol. 7. No. 02. Pp. 221–226.

22. Осокина Н. В., Слесаренко Е. В. Особенности структурной модернизации «новых индустриальных стран» Азии и возможности их применения в российских условиях // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2016. № 3. С. 45–58.

23. Глазьев С. Ю. Мировой экономической кризис как процесс смены технологических укладов // *Вопросы экономики*. 2009. № 3. С. 26–38.

24. Калабеков И. Г. Россия, Китай и США в цифрах: справочное издание. М., 2014. 254 с.

28. Аганбегян А. Г. Социально-экономическое развитие России: анализ и прогноз // *Проблемы прогнозирования*. 2014. № 3. С. 3–15.

Дата поступления 18.02.16

Дата принятия в печать 20.04.16

© Осокина Н. В., Слесаренко Е. В., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>) 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторах

Осокина Наталья Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева

Адрес: 650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 9, тел.: (384) 239-69-33

E-mail: osokina.kurchin@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8088-7534>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/H-4835-2016>

Контактное лицо:

Слесаренко Екатерина Владимировна, аспирант кафедры экономики, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева

Адрес: 650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 9, тел.: +7 (384) 239-69-33

E-mail: slekvlad@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0030-646X>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/H-1121-2016>

N. V. OSOKINA¹,

E. V. SLESARENKO¹

¹ Kuzbass Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

STRUCTURAL DISPROPORTIONS AS A THREAT TO ECONOMIC SECURITY OF RUSSIA

Objective: to determine the impact of structural disproportions on the level of economic security of the national economy.

Methods: comparison, generalization, observation, systemic analysis, data grouping, theoretical cognition, the method of analogy and historical method.

Results: basing on the analysis of scientific economic literature and statistical data, the historical background is revealed of the emergence of structural disproportions in the Russian economy, the origins of which had been laid long before the formation of the USSR and tended to strengthen during the Soviet period, and later during the period of transformation processes that swept the country at the turn of XX–XXI centuries; the influence of structural disproportions on the security of the Russian economy was described, which can be interpreted as a threat, characterized by a complete de-industrialization of the economy, reduction of innovation development, degradation of economic base and scientific potential, increasing dependence on vital consumer and industrial goods; there is a need to change the vector of socio-economic development of Russia and form a new model of structural modernization.

Scientific novelty: for the first time on the basis of the presented methods, the article studies the impact of structural disproportions on the level of economic security of the national economy.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and teaching activities in addressing issues of economic security of the national economy.

Keywords: Economics and national economy management; Risk; Structural disproportions; Economic security; Structural modernization

References

1. Gubanov, S. S. Sistemnyi vybor Rossii i uroven' zhizni (Systemic choice of Russia and the livig standards), *Ekonomist*, 2011, No. 11, pp. 3–55 (in Russ.).
2. Sukharev, O. S. Reindustrializatsiya Rossii: vozmozhnosti i ogranicheniya (Re-industrialization of Russia: possibilities and limitations), *Ekonomist*, 2013, No. 3, pp. 6–12 (in Russ.).
3. Logachev, V., Kochergin, D. Tselevoe sodержanie predstoyashchei industrializatsii: «post» ili «neo»? (Purpose content of the coming industrialization: “post” or “neo”?), *Ekonomist*, 2013, No. 11, pp. 11–19 (in Russ.).
4. Inozemtsev, V. L. *Prinuzhdenie k innovatsiyam: strategiya dlya Rossii: sbornik statei i materialov* (Compulsion to innovations: strategy for Russia: collection of works and materials), Moscow: Tsentr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva, 2009, 288 p. (in Russ.).
5. Logachev, V. A., Zhernov, E. E. *Mnogourovnevnyi analiz formirovaniya innovatsionnoi ekonomiki: mir-sistema, region, predpriyatie* (Multilevel analysis of forming the innovative economy: world-system, region, enterprise), Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2014, 331 p. (in Russ.).
6. Stiglitz, J. E. *Globalization and its Discontents*, NY: W.W. Norton & Company, 2002, 282 p.
7. Aganbegyan, A. G. Investitsii v strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya (Investment into the strategies of social-economic development), *Problemy modernizatsii ekonomiki i ekonomicheskoi politiki Rossii. Ekonomicheskaya doktrina Rossiiskoi Federatsii: mat-ly Rossiisko-go nauchnogo ekonomicheskogo sobraniya (Moskva, 19–20 oktyabrya 2007 g.)* (Issues of modernization of economy and economic policy in Russia. Economic doctrine of the Russian Federation: works of the Russian scientific economic assembly (Moscow, 19–20 October 2007)), Moscow: Nauchnyi ekspert, 2008, pp. 124–146 (in Russ.).
8. Osokina, N. V., Slesarenko, E. V. Problema effektivnogo vzaimodeistviya gosudarstvennogo i chastnogo sektorov v natsional'noi ekonomike (Issue of effective interaction of the state and private sectors in the national economy), *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2015, No. 26, pp. 13–23 (in Russ.).
9. Dzarasov, S. Rossiiskii krizis: istoki i uroki (Russian crisis: sources and lessons), *Voprosy ekonomiki*, 2009, No. 5, pp. 69–85 (in Russ.).
10. Sukharev, O. S. *Ekonomika tekhnologicheskogo razvitiya* (Economics of technological development), Moscow: Finansy i statistika, 2008, 481 p. (in Russ.).
11. Gokhberg, L. M. *Rossiiskii innovatsionnyi indeks* (Innovative index of Russia), Moscow: Natsional'nyi issledovatel'skii universitet "Vysshaya shkola ekonomiki", 2011, 84 p. (in Russ.).
12. Gordeev, A., Chernyakov, B. Nekotorye aspekty prodovol'stvennoi problemy mira (Some aspects of food problem of the world), *Voprosy ekonomiki*, 2001, No. 6, pp. 50–59 (in Russ.).
13. Delyagin, M. Mesto Rossii v usloviyakh globalizatsii (Position of Russia under globalization), *Nash sovremennik*, 2001, No. 7, available at: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2001&n=7&id=4> (access date: 19.11.2015) (in Russ.).
14. Gribkov, A., Zakharchenko, D., Kornienko, A. Konkurentosposobnost' stankostroeniya Rossii (Competitiveness of the Russian machine-building sector), *Voprosy ekonomiki*, 2013, No. 3, pp. 126–137 (in Russ.).
15. Leonov, V. Aviatsiya v innovatsionnom smerche (Aviation in innovation whirlwind), *Argumenty nedeli*, 2011, No. 4, 3 Feb (in Russ.).
16. Osipov, V. A., Astafurova, I. S., Zhilina, L. N. *Problemy razvitiya sudostroitel'no-sudoremontnogo kompleksa Dal'nego Vostoka Rossii* (Issues of ship-building and ship-maintenance sector in the Russian Far East), Vladivostok: Izd-vo VGUES, 2014, 219 p. (in Russ.).
17. Slobodian, Q. How to see the world economy: statistics, maps, and Schumpeter's camera in the first age of globalization, *Journal of Global History*, 2015, No. 10, pp. 307–332.
18. Bulanov, S. Yu. *Sotsial'no-ekonomicheskie ugrozy ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii v usloviyakh tranzitivnoi ekonomiki: dis. ... kand. ekon. nauk* (Social-economic threats to the economic security of Russia under transitive economy: PhD (Economics) thesis), Moscow, 2007, 27 p. (in Russ.).
19. Teney, C., Laceywell, O. P., de Wilde, P. Winners and losers of globalization in Europe: attitudes and ideologies, *European Political Science Review*, 2014, No. 4, pp. 575–595.
20. Sanjay, G. Reddy. The Dilemmas of Globalization, *Ethics and international affairs*, 2001, No. 15, pp. 159–172.
21. Yamashita, N. A materialist approach to early modern globality, *International Journal of Asian Studies*, 2010, vol. 7, No. 02, pp. 221–226.
22. Osokina, N. V., Slesarenko, E. V. Osobennosti strukturnoi modernizatsii "novykh industrial'nykh stran" Azii i vozmozhnosti ikh primeniya v rossiiskikh usloviyakh (Features of structure modernization of “new industrial countries” of Asia and possibility of applying them under Russian conditions), *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 2016, No. 3, pp. 45–58 (in Russ.).
23. Glaz'ev, S. Yu. Mirovoi ekonomicheskii krizis kak protsess smeny tekhnologicheskikh ukладov (World economic crisis as a process of changing the technological setups), *Voprosy ekonomiki*, 2009, No. 3, pp. 26–38 (in Russ.).
24. Kalabekov, I. G. *Rossiya, Kitai i SShA v tsifrakh: spravochnoe izdanie* (Russia, China and the USA in figures: reference book), Moscow, 2014, p. 254 p. (in Russ.).
28. Aganbegyan, A. G. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii: analiz i prognoz (Social-economic development of Russia: analysis and prognosis), *Problemy prognozirovaniya*, 2014, No. 3, pp. 3–15 (in Russ.).

Received 18.02.16

Accepted 20.04.16

© Osokina N. V., Slesarenko E. V., 2016. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (<http://apel.ieml.ru>) 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre "Taglimat". This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the authors

Natalya V. Osokina, Doctor of Economics, professor, Professor of the Chair of Economics, Kuzbass Technical University named after T. F. Gorbachev

Address: 9 Vesennyaya Str., 650000, Kemerovo, Russia, tel.: +7 (384) 239-69-33

E-mail: osokina.kurchin@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8088-7534>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/H-4835-2016>

Contact:

Ekaterina V. Slesarenko, post-graduate student of the Chair of Economics, Kuzbass Technical University named after T. F. Gorbachev

Address: 9 Vesennyaya Str., 650000, Kemerovo, Russia, tel.: + 7 (384) 239-69-33

E-mail: slekvlad@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0030-646X>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/H-1121-2016>

For citation: Osokina N. V., Slesarenko E. V. Structural disproportions as a threat to economic security of Russia, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 124–139.

ПОЗНАНИЕ

Формирование культуры здорового образа жизни: социально-экономические и психолого-педагогические аспекты : материалы международной науч.-практ. конф., Нижнекамск, 11 декабря 2014 г. / отв. ред. Э.Н. Ахметшина, Р.Ф. Гатауллина, Р.З. Галимова. – Казань : Изд-во Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП), 2016. – 328 с.

В сборнике представлены материалы Международной научно-практической конференции «Формирование культуры здорового образа жизни: социально-экономические и психолого-педагогические аспекты», направленной на исследование наиболее актуальных психолого-педагогических, социально-экономических проблем современного российского общества – теоретических и практических вопросов формирования ценностей здорового образа жизни.

Адресован практикам и ученым, исследующим вопросы формирования культуры здорового образа жизни. Материалы публикуются в авторской редакции.